

УДК 17.03

DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-49-55

Александр Анатольевич Шевченко,
доктор философских наук,
Институт философии и права СО РАН
(630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8),
e-mail: shev@philosophy.nsc.ru

Общественная мораль и коллективное действие

В статье рассмотрены существенные характеристики общественной морали в сравнении с моралью индивидуальной. Особо выделяются такие аспекты общественной морали, как нацеленность на общее благо и необходимость коллективных действий для его достижения. Показана эвристичность параллелей с проблематикой общественных благ и коллективного действия в экономических и социологических теориях. Преодоление разрыва между личным и общим интересом, между требованиями индивидуальной и коллективной рациональности невозможно без риска, доверия, готовности к сотрудничеству. Отмечено, что наиболее сложные и интересные случаи представляют примеры сознательного неучастия в кооперативных действиях, даже несмотря на ясное осознание преимуществ такого сотрудничества. Обсуждение так называемой «моральной» точки зрения во второй части статьи позволяет сделать вывод о невозможности зоны «морального безразличия» как по причине содержательной важности соответствующей проблематики, так и по причине принципиальной расширяемости социального контекста, что позволяет также расширять круг проблем, маркируемых как «моральные». Делается вывод, что при обсуждении проблем общественной морали необходимо широко применять результаты, полученные в других областях научного знания, в которых исследуются проблемы коллективного действия в условиях неполного совпадения интересов сторон.

Ключевые слова: индивидуальная и общественная мораль, общее благо, коллективное действие, индивидуальная и коллективная рациональность

Aleksandr A. Shevchenko,
Doctor of Philosophy,
Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(8 Nikolaeva st., Novosibirsk, 630090, Russia),
e-mail: shev@philosophy.nsc.ru

Public Morality and Collective Action

The article considers the essential features of public morality in comparison to individual morality. The focus is made on two main characteristics of public morality: the common good as its goal and collective action as a means of achieving this goal. The author shows the parallels between the discussions of public morality and the discussions of public goods and collective action in economic and sociological theories. Closing the gap between private and public interest, between the requirements of individual and collective rationality requires risk, trust, willingness to cooperate. It is noted that the most difficult cases include the refusal to cooperate while understanding and ignoring the advantages of cooperation. The discussion of the “moral point of view” in relation to public morality in the second part of the article shows that we cannot speak of any zone of “moral indifference” here. This is due to the substantive importance of the corresponding problems and to the principal expendability of the social context, which also allows expanding a circle of problems, which would be marked as moral. The author proposes that in discussions of public morality we need to make a wide use of the results obtained in other research disciplines dealing with the problems of collective action in the conditions of a conflict of interests.

Keywords: individual and public morality, common good, collective action, individual and collective rationality

Обычно мораль понимается как сфера персонального действия и автономной ответственности. Основным субъектом морали считается индивидуальный субъект человеческого рода. Конечно, нельзя не заметить тенденцию к расширению круга

моральных субъектов: 1) за счёт включения субъектов коллективных и групповых (например, отдельных групп, подвергающихся дискриминации с точки зрения преобладающей в обществе морали); 2) за счёт включения в число моральных субъектов живот-

ных и даже природы в целом. Тем не менее, человеческий индивид по-прежнему полагается главным субъектом морали с неизбежными следствиями в виде бремени личного морального выбора и персональной ответственности. Это можно проследить не только в представлениях о морали на уровне обыденного сознания, но и на уровне этических теорий. Этический рационализм Сократа, этика добродетелей Аристотеля, утилитаристское исчисление, моральная императивность И. Канта, «отчаяние возможного» С. Кьеркегора, «выбор себя» Ж.-П. Сартра всегда обращены к индивиду, его разуму, воле или чувствам.

При этом акцент на индивидуальном моральном субъекте вполне сочетается с признанием общественного характера морали как социального феномена, одного из способов регуляции общественных отношений. На этом фоне особый интерес вызывает актуализация в отечественной мысли дискуссий об общественной морали, которая связана с выходом в свет коллективной монографии «Общественная мораль» [5] где речь, однако, идёт не об общественном происхождении морали, как можно было бы ожидать, а о новом расширении субъектности, когда субъектом морали полагается не индивид, а общество в целом. Здесь сразу возникает множество проблем, например, проблема идентификации «моральной ипостаси» такого сложного субъекта, как общество, проблема определения воли этого субъекта, которую, как мы помним из классики, вряд ли можно понимать как простое сложение индивидуальных волей. Выражаясь более современным и техническим языком, проблема определения общей воли и общего блага во многом схожа с проблемой агрегации индивидуальных предпочтений в современных теориях социального выбора, где используются математический аппарат и формальные модели для определения не всегда упорядоченных предпочтений больших групп людей, в частности, избирателей.

Рабочий перечень представлений, которые входят в понятие общественной морали, предлагает О. В. Артемьева. Общественная мораль: а) ориентирует на достижение общего блага; б) она мыслит «количествами», для неё важен критерий «большинства»; в) общественная мораль институциональна, она опирается на организа-

ционно и процедурно поддерживаемые установления; г) субъект и объект моральных требований в общественной морали могут быть разъединёнными; д) общественная мораль допускает коллективное вменение; е) она непременно формализована и кодифицирована, хотя бы отчасти [5, с. 81].

Такой образ общественной морали можно, по-видимому, понимать следующим образом. Требование общего блага вместе с такими чертами общественной морали, как формализованность, кодификация и коллективное вменение, скорее всего, предполагают, что речь идёт не столько об абстрактном, общечеловеческом благе, а о благе, которое может быть достаточно ясно закодировано в этих самих процедурных и организационных установлениях. Возможность коллективного вменения предполагает также какие-то процедуры верификации. Отдельного и подробного разговора требует положение о разъединённости субъекта и объекта моральных требований, что, собственно, даёт основания сомневаться в моральной легитимности самой общественной морали. По всей видимости, этот тезис означает то, что большинство может использовать формализованные институты и процедуры не для того, чтобы обратить моральный закон на самого себя, а с целью вменения меньшинству обязанностей, которые, по его, большинства, мнению, будут способствовать достижению общего блага. Если это так, то такая форма моральной регуляции сильно отличается от более привычного понимания морали как способа самообязывания.

Оставляя этот дискуссионный аспект в стороне, обратимся к менее спорным характеристикам общественной морали – нацеленности на общее благо и коллективности действия и ответственности. Авторы, исследующие общественную мораль, справедливо отмечают трудность установления общего блага, проблемы, связанные со справедливостью коллективного вменения или коллективного осуждения, а также трудности, связанные с формализацией и институционализацией моральных требований. Последняя трудность обычно считается одной из существенных характеристик, отличающей мораль от такой формы социальной регуляции, как право.

Помочь пониманию некоторых специфических для общественной морали труд-

ностей может обращение к концепциям общественных благ и коллективного действия, которые чаще исследуются экономистами и социологами. Трудности, связанные с осуществлением коллективного действия, нацеленного на общее благо, хорошо демонстрирует и математическая теория игр, уже на относительно простых примерах типа «дилеммы заключённого», когда интересы отдельно взятого индивида не совпадают с интересами того же индивида, но рассматриваемого в качестве члена группы. Такая смена ракурса позволяет выявить многие проблемы, связанные с расхождением между индивидуальными и коллективными целями, индивидуальным и коллективным действием.

Но прежде имеет смысл обсудить такой вопрос: где пролегают границы общественной морали? В дискуссиях о морали индивидуальной принято считать, что когда речь идёт о решениях, не затрагивающих интересы других людей, не ограничивающих и не расширяющих их прав, свобод или возможностей, тогда основания таких решений не представляют особого интереса для философского обсуждения. Неприменима к ним и «моральная точка зрения». Необходимо поэтому выяснить, все ли человеческие действия или отношения имеют моральный аспект, или, другими словами, существует ли некоторая моральная «зона безразличия» [8, с. 20–24]. Обычно считается, что с моральными решениями и поступками мы имеем дело лишь в какие-то особые моменты нашей жизни, в то время как большинство совершаемых нами действий с моральной точки зрения воспринимаются как нейтральные, то есть не оцениваются ни как хорошие, ни как плохие. С ситуациями же, требующими морального выбора, большинство людей сталкивается сравнительно нечасто, только когда приходится решать – обманывать ли большого ребёнка, покидать ли бегством поле сражения, возвращать ли найденный бумажник его владельцу и т. д.

При этом следует отметить, что морально ненагруженными иногда полагаются не только тривиальные выборы и решения – такие, например, как выбор телевизионной программы или зубной пасты, но и такие, которые принимаются человеком в ситуациях исключительной важности, когда поступок вообще не требует мораль-

ного рассуждения или не основывается на таком рассуждении. К такого рода поступкам можно отнести действия, которые, как считается, мы совершаем интуитивно, на до-рациональном уровне, не прибегая к моральному рассуждению для определения того, что мы должны делать. Так, мы обычно не рассуждаем, следует ли спасти близких нам людей. Более того, сама возможность рассуждения в таких ситуациях выглядит аморальной.

Но так как в повседневной жизни ситуации такого рода встречаются у большинства из нас сравнительно нечасто, то и моральный выбор, или моральная точка зрения, остаются не востребуемыми. Другими словами, большинство философов-этиков разделяют мнение о том, что существует область поступков, безразличных с точки зрения морали. Причём такое представление часто является неявным, а подразумеваемым. Так, представление о существовании такой морально нейтральной области неявно содержится, например, в концепции негативной свободы И. Бёрлина, так как область негативной свободы – это та область, в границах которой мы свободны от каких-либо моральных, правовых или социальных требований. Идея здесь заключается в том, что без такой области, свободной от морали, наша свобода окажется сильно ограниченной, так как любые внешние обстоятельства будут непрерывно ставить перед нами проблемы морального выбора, требующего нашего участия и соответствующего решения.

Что это означает применительно к общественной морали? Представляется, что здесь постулирование зоны, свободной от морали, практически невозможно. Всегда имеется возможность расширить социальный контекст и включить в моральное рассуждение дополнительные посылки, которые могут превратить нейтральный, на первый взгляд, поступок в морально значимый. Моральная точка зрения, таким образом, – это всегда возможный взгляд на любую ситуацию особым образом. Кроме того, представляется, что можно использовать и формальный подход, в рамках которого под моральной точкой зрения понимается отношение к человеку на основе некоторого формального принципа. Очевидно и то, что от предписаний общественной морали труднее уклониться хотя бы в силу их боль-

шей кодифицированности и наличия механизмов общественного контроля. И, наконец, сама природа общественной морали, как нацеленной на общее благо, вряд ли позволяет говорить даже о возможности таких тривиальных и «безразличных» выборов, которые мы обсуждали выше применительно к морали индивидуальной.

В целом проблематичность общественной морали можно выразить в виде вопроса: как возможна общественная мораль в обществе радикально атомизированных индивидов или в обществе, разделённом коллективными, групповыми или классовыми интересами? Е. В. Беляева справедливо отмечает, что в традиционном обществе общественная мораль не была проблемой, поскольку нравственность социальной среды не складывалась из усилий автономных индивидов, а была предпосылкой личного нравственного действия [5, с. 112]. В современном демократическом обществе ситуация иная. Различия в понимании общего блага носят не случайный, а систематический характер, что заставляет вырабатывать процедуры достижения консенсуса как по поводу содержания общего блага, так и по поводу способов его достижения.

Таким образом, два аспекта, которые делают общественную мораль проблематичной, – это возможное отсутствие консенсуса в понимании общего блага и необходимость согласованных коллективных действий для его достижения. Полезно будет вкратце рассмотреть смежную тему – проблематику так называемых общественных благ (*public goods*), которую обычно изучают экономисты. Общественные блага имеют ряд характеристик, основными из которых принято считать неделимость и неисключаемость. Первая характеристика означает то, что потребление блага такого рода нельзя как-то распределить по конкретным потребителям, его нельзя «раздробить» на более мелкие единицы, что делает затруднительным и взимание платы за него. Другой важнейшей характеристикой общественных благ является неисключаемость (потребителей) – либо ввиду принципиальной невозможности это сделать, либо в силу слишком высоких затрат. Его природа такова, что этим благом пользуются либо все, либо никто.

В качестве стандартного примера такого рода блага часто приводят маяк. Невоз-

можно ограничить доступ к этому благу тем капитанам кораблей, которые не платили и не собираются платить за его использование. К общественным благам относится, например, и чистый воздух. Если это благо существует, то нельзя определить, какую его часть использую я, а какую – мой сосед и, соответственно, взимать с нас разную плату за него. Поскольку финансирование подобного рода благ очень трудно возложить на конкретных потребителей (в силу невозможности исключить конкретного неплательщика из числа потребителей этого блага), то производством таких благ часто вынуждено заниматься государство. Обычно оно это делает не с помощью рыночных механизмов (рынок, очевидно, плохо справляется с производством общественных благ), а путём принудительного их финансирования, например, с помощью налогов. Именно государство вынуждено предоставлять такие общественные блага, как армия, полиция, тюрьмы. Неделимость (в потреблении) общественных благ означает и то, что эти блага (в отличие от частных) потребляются равным образом, более того – потребление их одними людьми не уменьшает их количества для других.

Общественным благом можно считать и интеллектуальную собственность в том смысле, что она также обладает всеми необходимыми характеристиками – неделимостью, неисключаемостью потребителей, а пользование интеллектуальной собственностью не только не уменьшает её количество для других пользователей, но с большей вероятностью может вести к увеличению потребления. Именно на этом строятся аргументы сторонников так называемых «свободных лицензий» на программное обеспечение, идеи, фильмы, музыку, литературные произведения. Дополнительные доводы заключаются в том, что интеллектуальная продукция такого рода по сути своей и может существовать, и задумывалась как общественное благо, превращение же в объект частного интереса противоречит самой её сути. Кроме того, сторонники считать интеллектуальный продукт общественным благом указывают на низкую стоимость его тиражирования и распространения, особенно в век цифровых технологий. Конечно, остаётся проблема справедливой компенсации создателям, которая, к тому же, должна стимулировать

последующих авторов идей, программных продуктов и произведений искусства. Но то, что интеллектуальная продукция по своему характеру обладает всеми признаками общественного блага, нельзя игнорировать.

Многие общественные блага, однако, являются не продуктом отдельного творческого индивида или действий государства, а могут быть произведены только в результате совместной деятельности больших групп людей, причём в ходе добровольного сотрудничества. В число таких благ входят уже не только маяки, чистый воздух, тюрьмы и другие классические общественные блага, но и такие блага, как, например, социальные статусы, «идентичности», права [9, с. 8].

Напомним, что в ставшей уже классической книге «Логика коллективных действий» М. Олсон утверждает, что с точки зрения инструментальной рациональности (целерациональности) индивидуальное действие, направленное на достижение коллективного блага, нерационально. Основная идея заключается в том, что если коллективный субъект добивается цели, то отдельно взятый индивид становится выгодоприобретателем независимо от того, принимал он участие в этом действии, или нет. Если же действие не достигает успеха, то издержки несут те, кто принимал в нём участие, а уклонисты вновь оказываются в наиболее выгодном положении. Получается, что при любом исходе участие в коллективном действии иррационально [6].

Проблемы, связанные с коллективным действием, являются обратной стороной модели «невидимой руки», согласно которой, каждый человек рационально преследует свои собственные интересы, не заботясь о благе других, при этом невидимая рука рынка устраивает всё наилучшим образом к всеобщему благу, при этом даже «пороки частных лиц – блага для общества» [4]. Обратная сторона такого узкого понимания рационального поведения как направленного исключительно на достижение личной выгоды состоит в том, что в соответствии с ним для рационального эгоиста становится рациональным уклоняться от любого сотрудничества с другими членами общества, от усилий по достижению общих целей. При этом наиболее сложные и интересные случаи представляют примеры сознательного неучастия в кооператив-

ных действиях, даже несмотря на ясное осознание преимуществ такого сотрудничества.

В основе проблемы – узкое экономическое понимание человеческой рациональности, когда поведение считается рациональным, если ожидаемые выгоды превышают издержки и наоборот. Стандартной иллюстрацией такой эгоистической рациональности служит участие в голосовании. Оно, согласно этой модели, нерационально, ведь для того, чтобы воспользоваться его результатами, участвовать вовсе не обязательно. Вероятность же того, что именно твой голос окажется решающим, исключительно мала. Таким образом, даже минимальные усилия, затраченные на этот процесс, нерациональны. По этой логике нерационально и участие в производстве других общественных благ.

В общем виде аргументацию против сотрудничества можно представить следующим образом: если все внесут свой вклад, то индивидуальные усилия будут излишними, а если всеобщего сотрудничества не получится, то напрасными. Следовательно, действия, требующие даже минимальных затрат времени, сил или средств, нерациональны, и лишь небольшая численность группы, принуждение или какие-то другие особые способы могут заставить рациональных, преследующих собственные интересы индивидов действовать в соответствии с общими или общественными интересами [6].

Этот парадокс часто используется в качестве аргумента в политических и этических дискуссиях. В политике рациональной объявляется не только политическая апатия и, в частности, абстенционизм, но и следование политическим стереотипам, некритическое принятие идеологии. В области морали допустимой может казаться стратегия фри-райдерства (безбилетника) – получения выгод от коллективного действия, не принимая в нём участия.

В основе проблемы лежит то, что иногда называют «трагедией общественного имущества»: «Тяжек жребий того, что принадлежит сразу всем: каждый старается попользоваться этим больше или раньше, чем остальные, нисколько не заботясь при этом о соблюдении общих интересов» [7, с. 111]. Преодоление разрыва между индивидуальной и коллективной рациональ-

ностью приводит к необходимости учёта новых переменных, таких как «доверие», «риск», «коммуникация», «обязывающие соглашения», которым не находилось до сих пор места в экономических концепциях рациональности. В более общем виде это возвращает нас к традиционной задаче – поиску оснований и способов социальной кооперации. Стандартный философский ответ состоит в том, что целерациональность – не единственная детерминанта поведения людей. Однако есть ряд свидетельств о том, что опасность фри-райдерства на самом деле преувеличена. Так, в ряде работ проанализированы мотивы людей, заинтересованных в деятельности экологических групп, но не принимающих участие с целью установить, было ли фри-райдерство причиной такого неучастия [10]. Показано, что мотив рационального уклонения в действительности не играл важной роли в принятии решения отказаться от участия в коллективном действии. Гораздо более важную роль играло наличие/отсутствие ресурсов – оказалось, что в совместных действиях, например, чаще принимали участие более образованные и обеспеченные профессионалы, принадлежащие к среднему классу, не имеющие при этом обременительных семейных обязательств.

Р. Г. Апресян предлагает различать два подхода к пониманию морали. Первый – социально-имманентный, при котором мораль понимается как производная от социальной. Это, согласно его характеристике, широко распространённый «социологизаторский или социологистский подход, при котором нравственность выводится из потребностей общества, рассматривается как функция общества, элемент общественной организации и разновидность социальной дисциплины... К такому понимаю морали

следует отнести и теорию, согласно которой мораль есть способ социальной регуляции» [1, с. 19–20].

Но для наших целей важна его характеристика другого подхода – социально-трансцендентного, при котором мораль трактуется как феномен, востребуемый обществом, с целью упорядочения и оптимизации межлических и общественных отношений. При этом содержание и природа этого феномена, его внесоциальная обусловленность пониматься очень по-разному. Главное здесь то, что мораль трактуется «...как то, посредством чего транслируется и репрезентируется трансцендентное по отношению к социуму содержание» [1, с. 20]. Именно такая трактовка общественной морали позволяет обсуждать мораль не как историческое наследие, музейно-заповедную зону, а как мощный ресурс для решения сегодняшних проблем.

Востребованность как индивидуальной, так и общественной морали очевидна, т. к. без них, без общих, разделяемых всеми моральных постулатов, без доверия и преодоления эгоизма невозможно, в частности, решить проблему определения общего блага, а также найти способы его совместного достижения, преодолевая фундаментальный разрыв между требованиями индивидуальной и коллективной рациональности. Однако, работая с общественной моралью как теоретической конструкцией, недостаточно общефилософских обсуждений её особенностей. Необходимо внимательно изучать полученные результаты в специальных областях, занимающихся проблемами коллективного действия и кооперации в условиях неполного совпадения интересов сторон – в частности, в экономике, теории социального выбора, математической теории игр.

Список литературы

1. Апресян Р. Г. Понятие общественной морали // *Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы* / под общ. ред. Р. Г. Апресяна. М.: Альфа-М, 2009. С. 15–35.
2. Артемьева О. В. Социальная перспектива этики добродетели // *Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы* / под общ. ред. Р. Г. Апресяна. М.: Альфа-М, 2009. С. 81–92.
3. Беляева Е. В. Исторические формы общественной морали // *Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы* / под общ. ред. Р. Г. Апресяна. М.: Альфа-М, 2009. С. 106–118.
4. МанDEVиль Б. Басня о пчёлах. М., 1974. 375 с.
5. *Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы* / под общ. ред. Р. Г. Апресяна. М.: Альфа-М, 2009. 494 с.
6. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ, 1995. 174 с.

7. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. 302 с.
8. Fishkin J.S. The Limits of Obligation. London: Yale University Press, 1982. 184 p.
9. Somers M. Genealogies of Citizenship. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 182 p.
10. Zittel T., Fuchs D. Explaining Low Participation Rates. Participatory Democracy and Political Participation. Can Participatory Engineering Bring Citizens Back In? Routledge, 2007. 256 p.

References

1. Apresyan R. G. Ponyatie obshchestvennoi morali // Obshchestvennaya moral': filosofskie, normativno-eticheskie i prikladnye problemy / pod obshch. red. R. G. Apresyana. M.: Al'fa-M, 2009. S. 15–35.
2. Artem'eva O. V. Sotsial'naya perspektiva etiki dobrodeteli // Obshchestvennaya moral': filosofskie, normativno-eticheskie i prikladnye problemy / pod obshch. red. R. G. Apresyana. M.: Al'fa-M, 2009. S. 81–92.
3. Belyaeva E. V. Istoricheskie formy obshchestvennoi morali // Obshchestvennaya moral': filosofskie, normativno-eticheskie i prikladnye problemy / pod obshch. red. R. G. Apresyana. M.: Al'fa-M, 2009. S. 106–118.
4. Mandevil' B. Basnya o pchelakh. M., 1974. 375 s.
5. Obshchestvennaya moral': filosofskie, normativno-eticheskie i prikladnye problemy / pod obshch. red. R. G. Apresyana. M.: Al'fa-M, 2009. 494 s.
6. Olson M. Logika kolektivnykh deistvii. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp. M.: FEI, 1995. 174 s.
7. Pechchei A. Chelovecheskie kachestva. M.: Progress, 1980. 302 s.8. Fishkin J.S. The Limits of Obligation. London: Yale University Press, 1982. 184 p.
9. Somers M. Genealogies of Citizenship. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 182 p.
10. Zittel T., Fuchs D. Explaining Low Participation Rates. Participatory Democracy and Political Participation. Can Participatory Engineering Bring Citizens Back In? Routledge, 2007. 256 p.

Библиографическое описание статьи

Шевченко А. А. Общественная мораль и коллективное действие // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 49–55.
DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-49-55.

Reference to the article

Shevchenko A. A. Public Morality and Collective Action // Scholarly Notes of Transbaikalian State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 49–55.
DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-49-55.

Статья поступила в редакцию 10.04.2016